

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ИНЬ СЮЙ

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БУКОВНИЦА 1592 г.
В СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель:

Кузьмина Елена Александровна
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка для иностранных
учащихся филологического факультета

Официальные оппоненты:

Рождественская Татьяна Всеволодовна
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка филологического
факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Исаченко Татьяна Александровна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ФГБУ
«Российская государственная библиотека»

Новак Мария Олеговна
доктор филологических наук, доцент
кафедры прикладной и экспериментальной
лингвистики Института филологии и
межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный
университет»

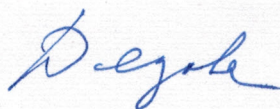
Защита диссертации состоится «11» сентября 2019 года в 14.30 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.01 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertation/197178307/>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В конце XVI в., в период зарождения аналитической грамматической кодификации церковнославянского языка путем систематизации языковых элементов и правил их выбора, в славянской книжности возникает особый тип грамматического описания, который может быть условно определен как «грамматический (словоизменительный) словарь»¹ или «словарь трудностей церковнославянского языка»², призванный предупреждать типичные ошибки в языковой практике, предотвращать искажения канонического текста. В настоящее время известно два таких рукописных руководства: Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. (РГБ, ф.173.1 [собр. Московской духовной академии], № 35, л. 130–235) и «Кни́га глѣматъ бѣ́квы гра́моти́чнаго оу́чѣнїѧ», входящая в состав сборника 1622 г. из собрания Н.С. Тихонравова (РГБ, ф.299, № 336, л. 23 об.–57 об., далее **КБ**). Данные сочинения предоставляют уникальную возможность исследовать процессы и механизмы переходного периода, когда языковое создание постепенно отрывается от текста и текстологический подход к церковнославянскому языку уступает место грамматическому.

Актуальность их исследования определяется самим статусом грамматических сочинений, которые, по словам Б.А. Ларина являются «первостепенной важности источником по истории языка»³, позволяющим одновременно изучать и литературный язык эпохи, и ее языковые представления.

Однако следует признать, что эти ценные памятники грамматической мысли долгое время оставались за пределами внимания исследователей и даже не были упомянуты в фундаментальных трудах по славяно-русской филологической традиции С.К. Булича и И.В. Ягича⁴. Лишь в двух работах конца XX в. Буковница 1592 г. рассматривается фрагментарно только в акцентологическом и словообразовательном аспектах⁵. В исследованиях Е.А. Кузьминовой, посвященных руководству

¹ Аксенова Е.А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Советское славяноведение, 1981, №1. С. 69.

² Кузьминова Е.А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. №2. С. 40.

³ Ларин Б.А. Русская грамматика Лудольфа 1696 г.: Переизд., пер., вступит. статья и примеч. Л.: Ленингр. науч.-иссл. ин-т языкознания, 1937. С. 6.

⁴ Булич С.К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893. 409 с.; Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку Т. I, СПб, 1885–1895. С. 289–1023.

⁵ Аксенова Е.А. Указ. соч. С. 66–77; Живов В.М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли // The Language and Verse of Russia / In Honor of Dean S. Worth. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 291–303 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. II).

«Кніга глѣматъ вѣквы грамотїчнаго оученїа»⁶, разработана модель комплексного анализа грамматических сочинений данного типа, позволяющая реконструировать лингвистические программы их создателей и выявить систему зафиксированных в них языковых норм. Подходы и методы, предложенные в рамках упомянутой модели анализа, применяются в настоящей работе для комплексного лингвистического и текстологического исследования Буковницы 1592 г.

Целью исследования является реконструкция лингвистической программы, которой руководствовался Герасим Ворбозомский при работе над Буковницей 1592 г., и определение функционально-типологических характеристик грамматических словарей церковнославянского языка кон. XVI – нач. XVII вв.

Поставленной целью обусловлен круг **задач**, решаемых в ходе исследования:

1. установить круг источников, использованных Герасимом Ворбозомским при создании Буковницы 1592 г.;
2. выявить и охарактеризовать основные направления реализации принципа антистиха, положенного в Буковнице в основу орфографической и грамматической нормализации;
3. определить принципы организации словарного материала в каждой из трех частей Буковницы;
4. осуществить реконструкцию кодифицированной в Буковнице системы норм именного и адъективного склонения;
5. установить лингвистические принципы и критерии, которыми Герасим Ворбозомский руководствовался в своих нормализаторских решениях;
6. выявить различия нормализаторских установок Герасима Ворбозомского и Мелетия Смотрицкого, автора наиболее авторитетной аналитической грамматики церковнославянского языка;
7. провести функционально-типологический анализ двух известных в настоящее время грамматических словарей кон. XVI – нач. XVII вв. (Буковница и «Кніга глѣматъ вѣквы грамотїчнаго оученїа») и установить параметры, характеризующие данный тип грамматического описания церковнославянского языка.

⁶ Кузьмина Е.А. Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е.А. Кузьминой. AION-SLAVISTICA. № 1. 2002. 282 с.; Кузьмина Е.А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. №2. С. 40–50.

Предметом исследования являются грамматические словари церковнославянского языка: 1) Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. (РГБ, ф.173.1 [собр. Московской духовной академии], № 35, л. 130–235); 2) «Кни́га глѣмага вѣквы гра̀моти́чнаго оу́чѣнїа», входящая в состав сборника 1622 г. из собрания Н.С. Тихонравова (РГБ, ф.299, № 336, л. 23 об.–57 об., далее **КБ**)⁷.

Для анализа указанных трактатов привлечены как предшествующие, так и синхронные по времени создания славянские филологические сочинения: «Ска́занїе ѿзыѣвлѣнно ѿ пи́сменѣ» Константина Костенечского, «Ѧ ѿсмихъ ча́стѣхъ слова» (в разных редакциях), «Ѧ мно́жествѣ ѿ Ѧ е́динствѣ», «Грамматичесество», «Ѧила соу́ществѣ кни́жнаго писма̀», «Ѧила сѣществѣ книжнаго писаниа̀», «Написанїе ѿзыко̀ словенски Ѧ гра̀мотѣ ѿ Ѧ е́а стро́енїи», «Написанїе ѿзыко̀ словѣньски Ѧ вѣквѣ ѿ Ѧ е́а писменѐ», «Кни́га глѣмага вѣквы» и др.⁸; грамматики Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска Ѧзверше́нна ѿскѣ́ства Ѧсми ча́стїи сло́ва, ѿ ѿны́ нѣ́ждны́» (Вильна 1596) (далее ГЗ), Мелетия Смотрицкого «Грамматика Славѣ́нскиа пра́вилное Ѧ́нтагма» (Евье 1619) (далее ГС); «Грамматика» (М.: Печатный двор, 1648 [без имени автора]) (далее ГМ); букварь Ивана Федорова (Львов 1574, Острог 1578).

Методика исследования определяется поставленными целями и задачами. В ходе анализа применены общенаучные методы наблюдения, сравнения и описания, направленные на обобщение полученных результатов, интерпретацию данных, их классификацию. Создана полная электронная версия Буковницы 1592 г., предельно точно воспроизводящая все особенности ее графики (включая диакритику), орфографии и пунктуации. Компьютерная обработка обеспечила получение надежных данных при сплошной выборке и сопоставлении лингвистического материала рассматриваемых текстов.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществлено систематическое исследование системы орфографических и грамматических норм, кодифицированных в Буковнице 1592 г. Пересмотрены ранее сложившиеся пред-

⁷ По изд.: Кузьминова Е.А. Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е.А. Кузьминовой. AION-SLAVISTICA. № 1. 2002. 282 с.

⁸ По изд.: Ягич И.В. Указ. соч.

ставления о времени появления (70-е гг. XX в.) в отечественной лексикографии лингвистического словаря грамматического типа. Установлено, что первые известные в настоящее время по рукописным источникам сочинениями, в которых была воплощена общая концепция грамматического словаря, были созданы в кон. XVI – нач. XVII в.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется выявлением набора функционально-типологических параметров грамматического словаря церковнославянского языка как особого типа грамматического описания славянского средневековья; реконструкцией лингвистической программы, реализованной в Буковнице Герасима Ворбозомского. Представленный в работе комплексный анализ грамматических сочинений пополняет существующие в науке представления об истории нормы и нормирования литературного языка кон. XVI – нач. XVII в.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы в учебных пособиях, общих и специальных курсах по истории русского литературного языка, истории славянской грамматической мысли, текстологии. Материалы диссертации могут быть привлечены при подготовке научного издания Буковницы 1592 г.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Буковница Герасима Ворбозомского 1592 г. является реализацией и развитием идей различных предшествующих опытов описания и кодификации книжного языка: «Ѡ мнѡжествѣ ꙗко ѡ ѡдѣнствѣ», «Ѡ ꙗко соꙗществоꙗ книжнаго писма», «Ѡ ѡсмихꙋ частѣхꙋ слова», Букваря Ивана Федорова. Для обоснования значимости этих идей привлечен широкий диапазон источников, среди которых, помимо Священного Писания, безусловно первенствуют творения отцов церкви.

2. В основу орфографической и грамматической нормализации в Буковнице положен принцип антистиха. В отличие от трактата «Ѡ мнѡжествѣ ꙗко ѡ ѡдѣнствѣ», где дается теоретическое обоснование этого принципа, в Буковнице он внедряется в практику книжного письма, а грамматические омонимы, противопоставленные на орфографическом уровне, выступают в качестве объекта систематизации и кодификации. Направления развития и трансформации орфографической модели, заданной в трактате-ориентире, определяются в Буковнице исходной установкой на максимальное графико-орфографическое расподобление омонимичных форм.

3. Словарный материал Буковницы организован на основе парадигматического принципа: каждая словарная статья содержит набор словоизменительных форм, структурированный по грамматическим категориям, наиболее важным для системы книжного языка.

4. Основными принципами, которым Герасим Ворбозомский руководствовался в своих нормализаторских решениях, являются а) принцип непосредственной зависимости грамматической нормализации от графико-орфографического способа преодоления грамматической омонимии; б) принцип координации предписаний двух источников-ориентиров: «застѣнныхъ разѹмѣній» трактата «Ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова» и «Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ ѣдинствѣ»; в) принцип унификации: обеспечить унификацию форм было призвано, в частности, грамматическое моделирование.

5. В Буковнице и **КБ** реализован особый тип грамматического описания церковнославянского языка – грамматический словарь, характеризующийся рядом параметров, отражающих развитие грамматического подхода к книжному языку: полифункциональность (выполнение информативной, нормативной и дидактической функций), парадигматический принцип организации языкового материала, дефинитивный способ описания грамматической и лексической семантики, использование справочно-ссылочного аппарата и разнообразных технических приемов подачи материала, имеющих прямые аналоги в современной лексикографической практике. Вместе с тем исходная целеустановка Буковницы и **КБ** – предотвращение искажений канонического текста, а следовательно, стабилизация рукописной традиции, применение иллюстративного (или контекстуального) способа семантизации свидетельствуют о том, что представленная в них систематизация форм еще полностью не отрывается от текстов.

Апробация работы. Основные положения диссертации освещены на VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, МГУ, 26 – 28 ноября 2015 г.); на III Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ, 23 – 26 мая 2016 г.); на XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2017» (Москва, МГУ, 20 апреля 2017); на Всероссийской научной конференции китайских учащихся и исследователей «Di er jie

zhong guo lv e xue sheng xue zhe e luo si yan jiu xue shu yan tao hui» [II Всероссийская конференция китайских учащихся и исследователей в России] (Москва, Посольство КНР, 31 октября 2017).

По теме исследования опубликовано 9 научных работ – статьи в тезисы докладов в сборниках и журналах, в том числе пять статей в журналах, включенных в список рецензируемых научных изданий филологического факультета МГУ.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** аргументируется актуальность работы, определяется предмет исследования, обосновывается его научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, раскрываются его цели и задачи, характеризуются методы исследования, представлены основные положения, выносимые на защиту, даются сведения о научной апробации основных положений диссертации, описывается общая структура работы.

В **первой главе** «Структура и источники Буковницы 1592 г.» анализируются структурные особенности Буковницы 1592 г. и устанавливается круг источников, использованных при ее создании.

Буковница 1592 г., предположительно атрибутированная Б.А. Успенским старцу Герасиму Ворбозомскому⁹, состоит из трех частей, в которых в виде таблицы приводятся списки словоформ, расположенных в алфавитном порядке. Первая часть Буковницы (л. 130–153 об.), основным источником которой является трактат «Ѡ мнѡжествѣ ѿ Ѡ єдинствѣ», содержит 2410 пар грамматических омонимов единственного и множественного числа, противопоставленных на орфографическом уровне на основе принципа антистиха – принципа графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке¹⁰, ср.: И. ед.ч. // Р. мн.ч. схѡднѣкъ Ѡ – схѡдникъ мнѡгы^х (л. 140), И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. хѡдѡжствѣнаа сѣа – хѡдѡжствѣнаа дѣла (л. 143 об.), И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л.

⁹ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 303.

¹⁰ Кузьминова Е.А. Антистих // Православная энциклопедия Т. II. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2001. С. 549–553; Кузьминова Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011, №5. С. 36–55.

мн.ч. наст. вр. **вѡдворѡѣмь Ѡ** – **въдворѡѣмъ мѡ** (л. 132 об.) и т.п. Ориентацию на трактат «**Ѡ мнѡжествѣ ѿ Ѡ єдїнствѣ**» создатель Буковницы отчетливо декларирует в своем кратком предисловии, где он определяет цель своего труда как изложения «**по воѡква^{мъ} Ѡ єдїнствѣ ѿ ѡ мнѡжественѡ**» (л. 130) и приводит взятые из трактата пары оппозиционных графем в виде ключа на первых листах рукописи (**а – ѡ** , **и – ѣ/ы**, **о – ѡ**, **ѡ – ѡу**, **ь – ѣ**, л. 130–137). Принцип антистиха находит свое отражение и в семантической оппозиции «священное – профанное», выражающейся в противопоставлении написания одних и тех же слов под титулом и без титула. На полях первой части Буковницы даны правила написания слов под титулом (лл. 130–134, 136, 138–140, 142, 143, 145, 146, 149), восходящие к орфографическим руководствам «**Ѡѡла соѡцествѡ кнїжнаго писма**» и «**Ѡ мнѡжествѣ ѿ Ѡ єдїнствѣ**».

Вторая (л. 154–188 об.) и третья (л. 189–233 об.) части содержат списки прилагательных и причастий с набором их словоизменительных форм и указанием грамматических параметров каждой формы. Система использованных терминов и структура словоизменительных словарных гнезд в этих частях заимствованы, как указано в послесловии, «**ѡ дамаскїновѣ грамотикѣи ѡ Ѡсмочѣстнаго разѡмѣнїѡ**» (л. 233). Каждое словарное гнездо, включающее 12 словоформ, организовано по модели «**застѣ^нныхъ разѡмѣнїй**» позднейших редакций трактата «**Ѡ ѡсмихъ чѣстѣхъ слова**»: № 22 «**Чтѡ єсть ѡсмь чѣстїи слова...**» и № 24 «**Ѡтѡ Иѡанна Дамаскина ѡ ѡсми чѣстѣ слѡва елика пїше ѿ глѣ**»¹¹. Вторая и третья части Буковницы отличаются друга от друга лишь способом подачи материала: если во второй части, насчитывающей 4399 словарных гнезд, представлена начальная форма И ед.ч. м.р. и набор 11 флексий с последней буквой основы, то в третьей части, содержащей 2953 гнезда, все формы даны полностью, ср.: **блѣъ Ѡ**, **га**, **го**, **гїи**, **гаго**, **гомѣ**, **гы**, **гыхъ**, **гымн**, **гое**, **гѡ**, **гѡю** (л. 154) – **блѣъ Ѡ**, **блѣга тѣ**, **блѣго тѡ**, **блѣгїи Ѡ** **мѡж**, **блѣгаго сего**, **блѣгомѡ томѡ**, **блѣгы ѡны**, **блѣгыхъ тѣ**, **блѣгымн тѣм**, **блѣгоє сїе**, **ѡ блѣже**, **ѡ блѣга сїѡ** (л. 189–189 об.). При этом словарный материал третьей части на 95% (2806 парадигм из 2953) совпадает с материалом второй части, что позволяет рассматривать их как два варианта одной работы.

¹¹ По изд.: Ягич И.В. Указ. соч. С. 749–758; 760–767.

В качестве приложения в Буковницу включены азбучные таблицы и таблицы складов для начального обучения грамоте (лл. 234–235), аналогичные по своему составу и структуре содержащимся в букваре Ивана Федорова (1574 г. и 1578 г.).

Таким образом, в Буковнице получили воплощение и дальнейшее развитие идеи различных предшествующих опытов описания книжного языка, среди которых не только орфографическое руководство «Ѧ мнѡжествѣ ѿ ѡ єдинствѣ», но и такие филологические сочинения, как «Ѧла соѹществѣ книжнаго писма», «Ѧ ѡсмихѣ частѣхѣ слова», а также пособие по начальному обучению грамоте Букварь Ивана Федорова.

Для обоснования значимости этих идей для книжно-языковой деятельности создатель Буковницы использует традиционную тактику славянских книжников: включает в свой словарь раздел «похвала книгѣ» (л. 130–135 об.), в котором важность грамматического учения аргументируется цитатами из Священного Писания [2 Кор 6: 14; 16], творений отцов и учителей церкви свв. Иоанна Златоуста [«Мысли из Иоанна Златоустого о книжном учении» (л. 227 об.–228) (РНБ, ф. 588, № 1558, 252 листа)], Нифонта [«житик и хоженіе сѣаго ѡца нашего нифонта» (л. 1–33) из Выголексинского сборника; «слово сѣа ѡца нифонта ѡ рѣсалиахъ» (л. 43–44 об.) из редакции последней четверти XV в. «Измарагд» (РГБ, ф.304.1, № 203)], Ефрема Сирина [из той же редакции сборника «Измарагд»], Исаака Сирина (второе слово из «Слов подвижнических» прп. Исаака Сирина «ѡ благодареніи бгѣ, въ нѣмже и ѡглашеніа главѣзненна»), а также из предисловия «Книги глѣма іаковъ» (РГБ, ф.304.1, № 772).

Во **второй главе** «Стратегия реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г.: традиции и инновации» выявлены и охарактеризованы основные направления реализации принципа антистиха, положенного в Буковнице в основу орфографической и грамматической нормализации.

Значение Буковницы для истории славянской грамматической мысли определяется, в частности, тем, что она позволяет с достаточной ясностью проследить, как заданный в трактате «Ѧ мнѡжествѣ ѿ ѡ єдинствѣ» способ реализации принципа антистиха прилагается к конкретному языковому материалу. В отличие от трактата-ориентира, где дается теоретическое обоснование принципа антистиха, а

Следуя предписаниям трактата «**Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ ѣдінствѣ**», составитель словаря использует стандартный набор графико-орфографических средств снятия омонимии (**Ѡ – ѡ, и/ї – ы, а – ѡ, ѡ – ѣ**) во **флексиях** контрастирующих словоформ (всего 2185 пар): **ѡ – ѣ** (530 пар): И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ. и крат. прил. м.р. **бѡгъ гдѣ** – **бѡгъ** (л. 131), **бѣглѣцъ – бѣглѣцъ** (л. 131 об.); **и – ы** (145 пар): Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. ж.р. **граніци – граніцы** (л. 133); **а/ѡ – ѡ** (742 пары): И ед.ч. // И мн.ч. сущ. ж.р. **црѣа ѣдіна – црѣа мнѡгы** (л. 145); комбинация двух графико-орфографических оппозиций **Ѡ – ѡ** и **ѡ – ѣ** (188 пар): Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м. р. **ѡггелѡмъ ѣдінемъ – ѡггелѡмъ мнѡгымъ** (л. 130); **и/ї – ы** и **ѡ – ѣ** (184 пары): Т ед.ч. прил. и дейст. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прил. и дейст. прич. **великѣмъ – великымъ** (л. 132), **желающѣмъ – желающимъ на** (л. 136); **ї – ы** и **а/ѡ – ѡ** (233 пары): Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р. прил. и дейст. прич. **великѣа – великыѡ** (л. 132), **глюциѡа гноа – глющыѡа** (л. 133); **а – ѡ** и **а/ѡ – ѡ** (164 пары): И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. и дейст. прич. **дрѣвнаа – дрѣвнаѡа** (л. 134 об.), **желающаа – желающѡа** (л. 136).

(1) Расширяется репертуар графико-орфографических оппозиций, служащих для разграничения омонимичных форм (**а** – **α**, **ε** – **ϵ**, **ї** – **и**, **о** – **ѡ**, **ε** – **ь**, **ь** – **ї**, **ѣ** – **е**, **ѳ** – **ѹ**, **з** – **ꙗ**, **з** – **ѕ**, наличие/отсутствие паерка, паерок – **ѡ**, паерок – **ь**, ва-
рия – оксия, строчная буква – выносная буква): И ед.ч. // И мн.ч. сущ. ж.р.
цє̀рѣ́вица – цє̀рѣ́вицѧ (л. 150 об.); И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р.
ѧ̀рхѣ́маритовъ чѣ́къ – ѧ̀рхѣ́маритѡвѡ вѣ́ѥ (л. 130); И ед.ч. // И мн.ч. сущ. ж.р. со-
вѣ́ѥдница сѣ̀ѧ – сѡвѣ́ѥдницѧ тѣ́ѥ (л. 140 об.); Р ед.ч. ж.р. // В мн.ч. м.р. прил.

прѣсѣскѣа тоа – прѣсѣскѣа гласѣ (л. 138); Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. ѿфонасѣвскѣмь – ѿфонасѣевскѣмъ (л. 130 об.); Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. ж.р. рѣкѣ едноа – рѣкѣ мнѣгѣа (л. 139); И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ. м.р. ѿилосѣфнѣкъ съ – ѿилосѣфнѣкъ мнѣгѣ (л. 152 об.); И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. трѣзваа ѿна – трѣзваа мнѣжна (л. 141); Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м.р. жинѣодѣтелемь – жинѣодѣтелемъ (л. 136 об.); И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. ѣллиновѣ – ѣллиновѣ (л. 135); Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. женихѣвымь – женихѣвымъ (л. 136); И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. ѿрхѣггѣловѣ гласѣ – ѿрхѣггѣловѣ мнѣгѣхъ (л. 130); И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. рѣширѣемь ѿ – рѣширѣемъ мѣ (л. 139); И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ. м.р. долѣжнѣкъ ѿ – долѣжнѣкъ мнѣгѣхъ (л. 134 об.) и др.

Новые графико-орфографические средства дифференциации омонимичных форм, введенные в Буковнице, имеют разный функциональный статус. Оппозиции $\alpha - \mathfrak{a} / \mathfrak{a} - \alpha$, $\mathfrak{b} - \epsilon / \epsilon - \mathfrak{b}$, $\phi - \mathfrak{b} / \mathfrak{b} - \phi$, $\mathfrak{z} - \mathfrak{z} / \mathfrak{z} - \mathfrak{z} / \mathfrak{z} - \mathfrak{z}$, свободно варьирующиеся в формах единственного и множественного числа, служат для их графико-орфографического расподобления. В то время как за членами остальных оппозиций ($\mathfrak{o} - \mathfrak{z}$, вария – оксия, $\mathfrak{i} - \mathfrak{n}$, паерок – его отсутствие / $\mathfrak{z}$, строчная буква – выносная буква) закреплено соответствующее значение единственного (1-й член оппозиции) или множественного числа (2-й член оппозиции), либо, как в случае пары $\epsilon - \mathfrak{e}$, наблюдается тенденция к их преимущественному употреблению в определенном числовом значении: ϵ – ед.ч., $\mathfrak{e}$ – мн.ч.

(2) Расширяется диапазон позиций, в которых используются графико-орфографические средства, наделенные смысловозначительными функциями. Помимо окончания, числовые показатели задействованы в **основе**, в том числе в позиции **абсолютного начала слова**: И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. бѣлѣгѣдарѣмь ѿ – бѣлѣгѣдарѣмъ мѣ (л. 131); Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. ѣгѣпетскѣмь – ѣгѣпетскѣмъ (л. 135); Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. жѣднѣмь – жѣднѣмъ (л. 136); И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. ѿнѣфрѣевѣ ѿнѣ – ѿнѣфрѣевѣ (л. 130 об.); Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил.

а́зыѣскѣмь ѣдѣнемъ – а́зыѣскимъ людемъ (л. 151 об.); И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. ѡбщаа та – ѡбщаа (л. 149 об.).

(3) Вводится параллельное применение графико-орфографических числовых показателей в нескольких позициях в слове (от двух до семи): **2 позиции** (879 пар): И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прич. бѣлащаа – бѣлащаа (л. 131); **3 позиции** (679 пар): И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. ба́нниковъ ѡ – ба́нниковъ (л. 131 об.); **4 позиции** (324 пары): И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прич. живѣщаа – живѣщаа (л. 136); **5 позиций** (130 пар): И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. грѣвѣщаа – грѣвѣщаа (л. 133 об.); **6 позиций** (44 пары): И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. хѣдо́жественіковъ гласъ – хѣдо́жественіковъ (л. 143 об.); **7 позиций** (4 пары): И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. ѡвѣро́зате́лниковъ – ѡвѣро́зате́лниковъ всѣ (л. 144 об.). В 2060 (86%) оппозициях грамматических омонимов задействовано более одной пары графико-орфографических средств дифференциации (преимущественно две (43%) или три (33%).

Выявленные в Буковнице направления развития способа реализации принципа антистиха свидетельствуют о стремлении к максимальному графико-орфографическому расподоблению омонимичных форм.

Ряд нормализаторских решений Герасима Ворбозомского в области реализации принципа антистиха был поддержан при дальнейшей кодификации церковнославянского языка в аналитических грамматиках, а также в изданиях церковной печати. Статус нормативных в церковнославянской книжности приобрели не только стандартные графико-орфографические оппозиции (а – ѡ, о – ѡ, и/ї – ы, ь – ѣ), которые Герасим Ворбозомский внедрял в языковую практику, но и введенные им инновации (ѣ – ѣ, вария – оксия), например, а – ѡ: ГЗ: И ед.ч. // И мн.ч. па́ница – па́ница (л. 32 об.–33), ГС: И=В=З дв.ч. м.р. // Р ед.ч., В мн.ч. вра́ча – вра́ча (л. 72 – 72 об.), синод. цсл.¹²: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. местоим. на́ша – на́ша; о – ѡ: ГЗ: Т ед.ч. м.р. // Д мн.ч. богомъ – богомъ (л. 86 об.); ГС (=ГМ): И

¹² Здесь и далее формы синодального церковнославянского языка приводятся по: *Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. Изд. 4-е. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 65–66, 75–76, 97, 111–112, 138, 246, 248, 251; *(Гаманович) Алипий, иером.* Грамматика церковнославянского языка. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1991.

ед.ч. // Р мн.ч. юродъ – юрѡдъ (л. 44 об.–45; л. 107–107 об.), синод. цсл.: Р ед.ч. // И=В=З дв.ч. м.р. ѡтрока – ѡтрѡка; и – ы: ГС (=ГМ): Т ед.ч. м. и с.р. причастий // Д мн.ч. вѣюцимъ – вѣючимъ (л. 183 об.; л. 264–264 об.), синод. цсл.: Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч. прил. тѡцимъ – тѡчимъ; ь – ѣ: ГС (=ГМ): И ед.ч. м.р. прил. // Р мн.ч. нищъ – нищѣ (л. 78; л. 137–137 об.), ГМ (≠ГС): Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч. нищимъ – нищимъ (л. 137–138 об.); ѳ – ѣ: ГМ: прил. // прич. нище, сѣѡвнѣ (л. 138, 141) – дѡѡбрѣ, злѣ, моѡдрѣ (л. 273 об.); синод. цсл.: прил. // прич. крайнѣ – крайнѣ; вария – оксия: синод. цсл.: И ед.ч. м.р. // И мн.ч. м.р. ѣже – ѣже, И ед.ч. ж.р. // И=В дв.ч., В мн.ч. м.р., И=В мн.ч. с., ж.р. ѣже – ѣже.

Утверждается и подход создателя Буковницы к выбору позиций употребления числовых показателей, предполагавший использование графико-орфографических средств дифференциации как во флексии, так и в основе, ср. ГС=ГМ: И ед.ч. // Р мн.ч. юродъ – юрѡдъ (л. 44 об.–45; л. 107–107 об.), прорѡкъ – прорѡкъ (л. 46 об.–47; л. 109 об.–110); синод. цсл.: П ед.ч. // Т мн.ч. с.р. пѡли – пѡли, Р ед.ч. // И=В мн.ч. с.р. знаменѣа – знаменѣа.

При том что прослеживаемая в Буковнице тенденция к максимальному расподоблению омонимов во всех возможных позициях не получила дальнейшего развития, в церковнославянской орфографии закрепляется одновременное применение двух пар числовых показателей в словоформе, ср.: ГС=ГМ: И ед.ч. м.р. прил. // Р мн.ч. нищъ – нищѣ (л. 78; л. 137–137 об.); ГМ: Т ед.ч. сущ. м.р. // Д мн.ч. юрѡдомъ – юрѡдомъ (л. 107 об.); синод. цсл.: Р=Д=П ед.ч. // В мн.ч. сущ. м., ж.р. ѣноши – ѣношы, И=В мн.ч. с.р. // И=В мн.ч. ж.р., В мн.ч. м.р. сравнит. степень прил. мѡдрѣйша – мѡдрѣйша.

В третьей главе «Принципы организации словарного материала и особенности грамматической кодификации в Буковнице 1592 г.» рассматриваются лингвистические принципы и критерии, которыми создатель Буковницы руководствовался при организации словарного материала и грамматической кодификации, и осуществляется реконструкция зафиксированной в словаре системы норм склонения существительных, прилагательных и причастий.

Концепция Буковницы как грамматического словаря имплицитно заключена в ее структуре. В основу организации ее словарного материала положен **парадигматический принцип**: каждая словарная статья включает строго упорядоченный набор словоизменительных форм, структурированный по грамматическим категориям, наиболее важным для системы книжного языка.

В первой части Буковницы, ведущей стратегией которой является стратегия дифференциации, это категория числа. Пары контрастирующих форм единственного и множественно числа существительных, прилагательных и причастий служат базовыми элементами, из различных комбинаций которых образованы парадигмы (всего 942) пяти основных структурных типов.

(1) **сущ. м.р. + притяж. прил.** (234): [1] И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ. м.р., [2] Т ед.ч. // Д мн.ч., [3] И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р., [4] Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. м.р.: [1] *стрѣтотѣрѣць съ* – *стрѣтотѣрѣць всѣхъ*, [2] *стрѣтотѣрѣцемь* – *стрѣтотѣрѣцемъ*, [3] *стрѣтотѣрѣцевъ ѿ* – *стрѣтотѣрѣцевъ*, [4] *стрѣтотѣрѣца тогò* – *стрѣтотѣрѣца ѡны* (л. 140);

(2) **сущ. с.р.** (14): [1] Р ед.ч. с.р. // И=В мн.ч. с.р., [2] Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. с.р.: [1] *знѧніѧ ѣдїного* – *знѧніѧ мнѡгѡѧ*, [2] *знѧніемь ѣдїнемь* – *знѧніемъ мнѡгѡ* (л. 137);

(3) **сущ. ж.р.** (148): [1] И ед.ч. // И мн.ч. сущ. ж.р., [2] Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. ж.р.: [1] *болѣца ѣдїна* – *болѣца мнѡгѡ*, [2] *болѣци ѣдїноѧ* – *болѣци* (л. 131 об.);

(4) **прил.** (286): [1] Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч., [2] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [3] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р.: [1] *богѧтымъ* – *богѧтымъ*, [2] *богѧтаѧ* – *богѧтаѧ*, [3] *богѧтыѧ* – *богѧтыѧ* (л. 131);

(5) **дейст. и страд. прич.** (254): [1] Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч., [2] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [3] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р., [4] И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.: [1] *ѧчюцимь* – *ѧчюцимъ*, [2] *ѧчюцаѧ* – *ѧчюцаѧ*, [3] *ѧчюциѧ* – *ѧчюцыѧ*, [4] *ѧчюци ѿнѧ ѣдїна* – *ѧчюце ѡны* (л. 130); [1] И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр., [2] Т ед.ч. м., с.р. // Д мн.ч., [3] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [4] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р.: [1] *ѡгонѧемь ѿ* – *ѡгонѧемъ*

мы, [2] Ѡгонѣмымь – Ѡгѡнѣмымъ, [3] Ѡгонѣмаа сїа – Ѡгѡнѣмаа мнѡ^ж,
[4] Ѡгонѣмыа тоа – Ѡгѡнѣмыа ѡны (л. 144).

Во второй и третьей частях Буковницы 12-членные парадигмы прилагательных и причастий построены по модели «застѣнныхъ разѹмѣній» позднейших редакций трактата «Ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова», структура которой определяется заданными в этом трактате категориями («последующими», «акциденциями») – род, «падение», число. Первые 10 форм в парадигмах обеих частей Буковницы совпадают: [1] мѹжско – именная форма И ед.ч. м.р., [2] жѣско – именная форма И ед.ч. ж.р., [3] среднѣ – именная форма И ед.ч. с.р., [4] ѣстїное нарицанїе ѣдїна мѹжа – местоименная форма И ед.ч. м.р., [5] помановенїе едїнаго – местоименная форма Р ед.ч. м. и с.р., [6] да҃нїе единомѹ мѹжѹ – местоименная форма Д ед.ч. м. и с.р., [7] нарицаетѹ многѣ мѹжен – именная форма И мн.ч. м.р., [8] помановенїе мнѡгыхъ – местоименная форма Р мн.ч., [9] дѣйствиє мнѡгими – местоименная форма Т мн.ч., [10] сѹщеє нарицанїе среднаго ѣмани – местоименная форма И ед.ч. с.р. Два последних места в парадигмах второй части занимают [11] второе наиманованїе жѣньскаго ѣмани – именная форма В ед.ч. ж.р. и [12] сѹщеє нарицанїе второмѹ наиманованїю женскаго имани – местоименная форма В ед.ч. ж.р., а в парадигмах третьей – [13] звателство мѹжско – именная форма 3 ед.ч. м.р. и [14] звателство жѣска ѣмени – именная форма 3 ед.ч. ж.р. Ср.:

вторая часть: [1] *ѕѣ́ль*, [2] *льа*, [3] *льо*, [4] *льын*, [5] *льаго*, [6] *льомѹ*, [7] *льы*, [8] *льы̑*, [9] *льы̑м̑*, [10] *льоѣ*, [11] *льѣ*, [12] *льѣю* (л. 159 об.); [1] *защѣ́ющѣ*, [2] *юща*, [3] *юще*, [4] *ющѣи*, [5] *ющаго*, [6] *ющею*, [7] *ющы*, [8] *ющы̑*, [9] *ющы̑м̑*, [10] *ющеѣ*, [11] *ющѣ*, [12] *ющѣю* (л. 161 об.);

третья часть: [1] приближа́ющъ, [2] приближа́ща, [3] приближа́юще, [4] приближа́ющѣи, [5] приближа́щаго, [6] приближа́щему, [7] приближа́щыи, [8] приближа́щыѣ, [9] приближа́щыѣмъ, [10] приближа́ще, [13] ѿ приближа́ще, [14] ѿ приближа́юща (л. 209–209 об.); [1] телѣ́сенъ, [2] телѣ́сна тѣ, [3] телѣ́сно тѣ, [4]

ТЕЛѢСНЫИ ѿ, [5] ТЕЛѢСНАГО, [6] ТЕЛѢСНОМЪ, [7] ТЕЛѢСНЫ ТѢ, [8] ТЕЛѢСНЫ, [9] ТЕЛѢСНЫМИ, [10] ТЕЛѢСНОЕ ТѢ, [13] ѿ ТЕЛѢСНЕ, [14] ѿ ТЕЛѢСНА (л. 214–214 об.).

В отличие от наиболее авторитетного рукописного грамматического руководства «Ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова», дававшего максимально обобщенную картину устройства церковнославянского языка, но не кодифицировавшего его норму, Буковница, систематизировавшая словоизменение существительных, прилагательных и причастий, была призвана выполнять нормативную функцию. Кодифицированная в Буковнице система норм именного и адъективного склонения, реконструированная на основе синтеза данных, полученных в результате исследования трех ее частей, представлена в следующих таблицах.

Именное склонение

Существительные мужского рода с исходом основы

	на тверд. согл. грѣхъ (л. 133 об.), прѣхъ (л. 138), шлѣмъ (л. 147)		на мягк. согл. кроме ѣ гонитель (л. 133 об.), цѣрь (л. 145)		на ѣ жрѣвѣи (л. 136 об.), слодѣи (л. 137 об.)		на ц простецъ (л. 138 об.)	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
И	ь						ь	
Р		ѣ/ѡѣѣ		ѣѣѣ	а	ѣѣѣ	а	ѣ/ѣѣѣ
Д		ѡмѣѣ		ѣмѣѣ		ѣмѣѣ		ѣмѣѣ
В						ѣ		ѣ
Т	омѣ		ѣмѣ		ѣмѣ		ѣмѣ	

Сущ. с.р. с исходом основы

	на тверд. согл. рѣвро (л. 139), цѣрство (л. 145)		на мягк. согл. знѣнѣ (л. 137)	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
И		а		ѣ
Р	а		а	
Д		ѡмѣѣ		ѣмѣѣ
В		а		ѣ
Т	омѣ		ѣмѣ	

Сущ. ж.р. с исходом основы

	на ц ѣдѣница (л. 135)		на ѣ ѣпѣстѣлѣа (л. 135)	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
И	а	ѣ	а	ѣ
Р	и		и	
В		ы		и

**Прил. и прич. (дейст. прич. пр. вр.,
страд. прич.) с исходом основы на
твёрдый согласный**

ДОБРЪ (л. 157=193), ХРѠМЪ (л. 178=220), СЪГЛАСИВЪ (л. 173=213), ЖЕЛѦЕМЪ (л. 159=195), ЪНЕСѢНЪ (л. 180=223)						
	м.р.		ж.р.		с.р.	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
И	ѡ/ѡ	ѡ	ѡ		ѡ	
В			ѡ			
З	ѡ		ѡ			

**Прил. и прич. (дейст. прич. наст. вр.)
с исходом основы на
мягкий согласный**

ТОЦЬ (л. 175 об.=216), ДАЛЕЧЬ (л. 158), ЖЕЛѦЮЦЬ (л. 173=195)						
	м.р.		ж.р.		с.р.	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
И	ѡ	ѡ	ѡ		ѡ	
В			ѡ			
З	ѡ		ѡ			

Адъективное склонение

**Прилагательные и причастия (дейст. прич. пр. вр., страд. прич.)
с исходом основы на твёрдый согласный**

СЪТЪИ (л. 172=212), СЪГЛАСИВИ (л. 173=213), СЪВѢНИИ, СЪВѢВѦЕМЫИ (л. 181 об.)						
	ед.ч.			мн.ч.		
	м.р.	с.р.	ж.р.	м.р.	с.р.	ж.р.
И	ѡи	ѡѡ	ѡѡ		ѡѡ	ѡѡ
Р	ѡѡ		ѡѡ	ѡѡѡ		
Д	ѡѡѡ			ѡѡѡ		
В			ѡѡ	ѡѡ	ѡѡ	ѡѡ
Т	ѡѡѡ			ѡѡѡ		

**Прилагательные и причастия (дейст. прич. наст. вр.)
с исходом основы на мягкий согласный**

ТОЦЬИ (л. 175 об.=216), ДРѢВНЬИ (л. 194), СЪВѢЮЦЬИ (л. 181 об.)						
	ед.ч.			мн.ч.		
	м.р.	с.р.	ж.р.	м.р.	с.р.	ж.р.
И	ѡи	ѡѡ	ѡѡ		ѡѡ	ѡѡ
Р	ѡѡ / ѡѡ		ѡѡ	ѡѡѡ		
Д	ѡѡѡ			ѡѡѡ		
В			ѡѡ	ѡѡ	ѡѡ	ѡѡ
Т	ѡѡѡ			ѡѡѡ		

Зафиксированная в Буковнице система норма свидетельствует, что для Герасима Ворбозомского обработанность книжного языка выражалась в таких параметрах, как орфографическая упорядоченность, нацеленная на дифференциацию омонимичных форм единственного и множественного числа, и отсутствие немотивированных

рованной (не обусловленной фонетически) вариативности. Принятые им нормализаторские решения основывались на следующих принципах.

(1) Принцип непосредственной зависимости грамматической нормализации от графико-орфографического способа преодоления грамматической омонимии. Так, этот принцип определил использование во флексиях форм единственного числа **ь** и **а/α** (а не **ъ** и **ѧ**) не в их фонологическом значении, а как числовых показателей: И ед.ч. м.р. сущ., прил. и прич. на твердый согласный **грѣхѣ**, **рѣвѣ**, **шлѣмѣ**, **дрѣгѣ**, **тѣрпѣливѣ**, **хрѣмѣ**, **сѣгласивѣ**; Р ед.ч. сущ. м., с.р. **жрѣвіа**, **знаніа**; И ед.ч. прил. и прич. ж.р. **страннаа**, **ѡбщаа**, **шешаа**, **развѣннаа**; Р ед.ч. прил. и прич. ж.р. **странныа**, **ѡбщія**, **шешія**, **развѣнныа**.

(2) Принцип координации предписаний двух источников-ориентиров – «**застѣнныхъ разѹмѣній**» трактата «**Ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова**» и орфографического руководства «**Ѡ мнѡжествѣ ѿ Ѡ єдинствѣ**». Этим принципом, в частности, была обусловлена кодификация в позиции И мн.ч. м.р. прил. и прич. некнижной флексии **-ы**, в том числе и у слов с исходом основы на мягкий согласный (**бѣлѣгы**, **юнны**, **тощы**, **далечы**, **желѣющы**, **желѣемы**), которая согласуется, с одной стороны, с «**застѣнными разѹмѣніями**», предусматривающими это окончание в качестве инвариантного в И мн.ч. м.р., а с другой, с системой графико-орфографических средств дифференциации омонимичных форм, в которой за **ы** закреплено значение множественности.

(3) Принцип унификации. Унификация нормированных в Буковнице форм явилась результатом не только последовательной реализации принципа антистиха, но и проведенного Герасимом Ворбозомским грамматического моделирования, основным объектом которого была система форм действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Искусственная грамматикализация заключалась в а) экстраполяции универсальных формообразующих причастных суффиксов на все без исключения формы и б) экстраполяции на причастные формы окончаний прилагательных, ср.: **ході́въ, ході́ва, ході́во, ході́вын, ході́ваго** и т.п. как **жі́въ, жива́, жі́во, живы́н, жива́го** и т.п.; И ед.ч. м.р. **счита́юшь**, ж.р. **счита́юща**, с.р. **счита́юще**, И мн.ч. м.р. **счита́юшы** как **то́шь, то́ща, то́ще, то́шы**.

Сопоставление кодифицированной в Буковнице системы норм именного и адъективного склонения с системой норм первого (1619 г.) и второго издания (1648 г.) грамматики Мелетия Смотрицкого позволило установить различие нормализаторских установок Герасима Ворбозомского и Мелетия Смотрицкого. Если для Мелетия Смотрицкого «правильность» церковнославянского языка связывалась с его «*нѣзбѣлѣмъ*» (ГС л. 42), широкой вариативностью, что проявлялось в фиксации вариантных форм как в пределах одного словоизменительного типа (подтипа), так и в пределах парадигмы одного слова, то для создателя Буковницы, напротив, «*нѣзбѣлѣство*» языка «*сѣтъ кнѣзь*» (л. 233) предполагало его унификацию.

В четвертой главе «Функционально-типологические характеристики грамматического словаря церковнославянского языка: Буковница 1592 г. и «*Кнѣга глѣмага вѣквы грамотичнаго оученїа*» проводится функционально-типологический анализ двух известных в настоящее время грамматических словарей кон. XVI – нач. XVII вв. и определяются параметры данного типа грамматического описания церковнославянского языка.

Буковница и **КБ** соответствуют сформировавшейся в современной лексикографии общей концепции грамматического словаря как словаря, который носит селективный характер, содержит информацию о грамматических (а также семантических, стилистических и др.) свойствах слова или описание отдельных сложных языковых явлений, предназначен для образования грамматически правильных форм и построения правильных фраз, выполняет не только нормативную и информативную, но и дидактическую функцию¹³.

Как и современные грамматические словари¹⁴, Буковница и **КБ** носят *селективный характер*, т.е. в отличие от грамматик, содержащих поуровневое описание всей языковой системы, дают целенаправленное описание избранных сложных явлений, вызывающих трудности в книжно-языковой практике. Оба словаря были призваны предотвратить искажения канонического текста, кодифицировать и внедрить в языковую практику орфографически и грамматически правильные книжные

¹³ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1980. С. 3; Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 462; Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Дрофа, 2008. С. 98–100.

¹⁴ Зализняк А.А. Указ. соч.; Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементар. единиц рус. синтаксиса / Отв. ред. Ю.Н. Караулов; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1988. 439 с.; Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русских причастий: 2500 глаголов, 7500 причастий, образование и употребление причастий. Изд. 3-е, испр. М.: АСТ-Пресс, 2008. 646 с.

формы¹⁵. Проведенная создателями словарей селекция языкового материала позволяет увидеть проблемные зоны славянской лингвистической рефлексии кон. XVI – нач. XVII вв., ключевыми из которых являются омонимия и отождествление под влиянием живого субстрата неомонимичных форм церковнославянского языка.

Основные усилия обоих авторов были сосредоточены на проблеме преодоления омонимии, как грамматической (Буковница и **КБ**), так и лексической (преимущественно **КБ**), которая решались ими по-разному. Источником нормализаторских решений Герасима Ворбозомского служил трактат «**Ѡ мнѡжествѣ ѿ ѡ ѡдѣнствѣ**», идеи которого получили в Буковнице последовательное воплощение и дальнейшее развитие (см. выше с. 8–11). Автор **КБ** прибегает к альтернативному способу реализации принципа антистиха, обоснованному в трактате «**Кни́га гл҃мага гр҃матѣ́ка по ѡзы́къ словѣ́нскѣ**» (РГБ, ф.299, № 336, л. 1–23), который предполагает расподобление омонимов (и омоформ) с помощью «двообразного» начертание всех гласных (**а** – **α**, **ѣ** – **ѣ**, **и** – **И**, **ѹ** – **ѹ**, **ѡ** – **ѡ** и т.п.) в позиции абсолютного конца слова (Р ед.ч. // И=В мн.ч. **ноги** – **ногИ** л. 41 об., **Дѡлѣѹ**, **займованіе** – **дѡлѣѹ** **мѣрою** л. 34), а также задействует грамматический способ снятия омонимии, основанный на дистрибуции неомонимичных формантов (Р // В ед.ч. м. р. **вѣгѡ** **чѣка** – **вѣгѡ** **чѣка** л. 27 об.).

Буковница и **КБ** отражают и разницу в подходах к специфически книжным формам, которые под влиянием живого языка могли ошибочно отождествляться в языковом сознании и подвергаться смешению в текстах. Если создатель **КБ**, предотвращая типичные ошибки, в частности, в употреблении причастных форм, кодифицирует стандартные, этимологически корректные образования (ср. И ед.ч. м.р. // И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.: **поѡ**, **поѡци**, **поѡце**; **соѡдинѣвѣ**, **соѡдинѣвши**,

¹⁵ Автор **КБ** видит цель своего труда в том, чтобы предупредить типичные ошибки, засвидетельствованные им в библейских и богослужебных текстах: «**Сѣа бѣквы составѣлены вѣны ради сѣа, дабы ѿ простѣйши вѣдомо быѡ, рѡдное ѡ прѡваго. ѿ винѡвнаго ѿ дѣйствиа; ѿ творѣтнаго; ѿ да познаѣтсѡ мѡжеска рѣчь ѡ жескѣа ѣ чѣа рѡнствѣѣта дрѡѡа дрѡѡѣи. ѿ да разѡмна бѣдѣтъ двѡйствѣна рѣчи ѡ мнѡжствѣна...**» (л. 23 об.–24). Аналогичный пассаж с перечнем наиболее распространенных трудностей, с которыми сталкивается писец «**сѣѣи кнѣѣ**», содержится и в Буковнице, предназначенной служить «**к распрѡстранѣнію вѣліаго рѡѡма к грамматѣчствѣ**» (л. 233): «**знѡн брѡте сѣа, ѡдѣнство ѡ мнѡжства ѡѡло мнѡгѡ рѡнствѣѣт! тѡкоже ѿ сѣѣѣ ѡ посрѣѡнаго пѡчеже ѡ ѡпѡшаго!**» (л. 133); «**кѡлѡми вѣліко ѡмѡт рѡѡѡнѣ чѣѡѡѡ ѡ скѣрны! тѡко мнѡ рѡнствѣѣ. ѿ ѡдѣнство ѡ мнѡжства**» (л. 134).

соединивше л. 44 об., 48 об.), то Герасим Ворбозомский, устраняя тот разнбой, который имел место в языковой практике, подвергает их искусственной унификации: моделирует собственную систему причастных форм, идентичную системе форм прилагательных (см. выше с. 16–17).

Для организации и описания систематизированных единиц требовалось привлечение грамматического инструментария, источником которого для создателей Буковницы и КБ служил «грамматический канон православия» «Ѡ ѡсмихъ чѣстѣхъ слова». Ориентацию на данный трактат создатели обоих словарей не только провозглашают¹⁶, но последовательно реализуют в своих трудах, оперируя теми грамматическими категориями, которые в славянской традиции были введены именно в «осмочастии».

Развитие грамматической схемы, заданной в трактате «Ѡ ѡсмихъ чѣстѣхъ слова», предполагало обращение к парадигме. По модели «застѣнныхъ разѡмѣнїи» из «Ѡсмочѣстнаго разѡмѣнїа» (л. 233) построены парадигмы во второй и третьей частях Буковницы (см. выше с. 14–15). Общий принцип построения парадигм в первой части Буковницы (см. выше с. 13–14) и КБ определяет стратегия дифференциации омонимов и смешивающихся неомонимичных книжных форм. Как и в Буковнице, парадигма КБ в типичном случае включает пары контрастирующих единиц, различие которых требуется продемонстрировать, ср. [1] И ед.ч. // Р мн.ч. сущ. м.р., [2] Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. м.р.: [1] гѡвѣтѣль мой, гѡвѣтель мой, [2] гѡвѣтелѣ, гѡвѣтелѣ (л. 32 об.).

Исходная лингводидактическая целеустановка («давѣ ѿ простѣйшиѣ вѣдомо было» КБ, л. 23 об.) требовала точного определения грамматического и лексического значения отобранных единиц. В обоих словарях наряду с прямыми дефинициями (ср. крѡткомѡ – даѡнїе ѣдиномѹ мѡжѡ [дат. п., ед.ч., м.р.] Буковница л. 201–201 об.; влѣства, сѣ ѣдиного рѡна рѣѣ [ед.ч. род. п.] КБ л. 30 об.; МирѢ ѣ ѣсть тишина. ѿ соѡз любѡвнѣй; мирѢ, рѡди члѣтїи КБ, л. 41), применяется контекстуальный (иллюстративный) способ семантизации, отражающий

¹⁶ Буковница: «взѡта вѣсть сѣ вѣсѣда, ѡ дамаскіновѣ грамотикѣи ѡ Ѡсмочѣстнаго разѡмѣнїа ѡ» (л. 233); КБ: «потѣѡсѣ сѣ вѣкѣы составити. положиѣ в ниѣ ѣлико возмѡгоѣ изобрѣстїи <...> ѡ дрѣвнѣѣ грамотики, ѿ ѡсмочѣстнѣи книзѣѣ» (л. 24 об.).

специфику языкового сознания переходного периода от текстологического подхода к грамматическому. При иллюстративном способе семантизации форма приводится в контексте, содержащем конкретизаторы-распространители, которые позволяют установить ее грамматическое или лексическое значение: ср. Т ед.ч. // Д мн.ч. **же-ла́телемь ѿдѣнемъ** – **жела́телемъ всѣмъ** (Буковница л. 136), И ед.ч. страд. прич. м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **зрѣмъ кто ѿ инѣхъ** – **зрѣмъ мѣи** (КБ л. 36 об.). В КБ контекст может не приводиться, а задаваться в виде отсылки к библейским или литургическим текстам, в которых фигурирует описываемая словоформа, ср.: И ед.ч. // Р мн.ч. сущ. м.р. **гѣвитѣль** – **гѣвитѣль** (ѡлѣ, ѡ) [Пс. 1] → **на сѣдѣлци** **гѣ-вѣтель** **не сѣде** [Пс. 1: 1]) (л. 32 об.).

В обоих словарях используется принятый в лексикографической практике алфавитный принцип организации языкового материала, позволяющий в кратчайшие сроки найти и идентифицировать требуемые языковые единицы и тем самым обеспечить выполнение основных функций словаря – информативной и дидактической.

Словарный аппарат и технические приемы подачи материала в Буковнице и КБ также имеют прямые аналоги в современной лексикографической практике. В обоих словарях используется система сокращений и система внутритекстовых ссылок и постраничных сносок, выполняющих разные функции (Буковница – указание на источники и исправление замеченных ошибок; КБ – отсылки к библейским текстам). Дидактический характер грамматического словаря предполагает максимальную наглядность представления языкового материала, которая достигается благодаря использованию табличного формата (Буковница) и киновари для структурирования текста и маркирования (Буковница и КБ).

Таким образом, в Буковнице и КБ реализован особый тип грамматического описания церковнославянского языка – грамматический словарь, характеризующийся такими параметрами, как: (1) информативная функция – содержит информацию об орфографических, морфологических и семантических свойствах слова; (2) нормативная функция – кодифицирует орфографическую, грамматическую и лексическую норму; (3) дидактическая функция – предназначен для предотвращения типичных ошибок, приводящих к искажению канонического текста; (4) селективный характер – дает целенаправленное описание проблемных зон, отдельных

сложных явлений, преимущественно омонимичных единиц и специфически книжных форм, отождествляемых под влиянием живого языка; (5) организация словарного материала в прямом алфавитном порядке и его распределение по категориям, наиболее важным для системы книжного языка; (6) использование дефинитивного и контекстуального (иллюстративного) способов описания грамматической и лексической семантики; (7) использование справочно-ссылочного аппарата и разнообразных технических приемов подачи материала. Специфические особенности Буковницы 1592 г. сближают ее с собственно грамматическим словарем в современном понимании этого термина¹⁷. Между тем ближайшим аналогом **КБ**, дающей, в отличие от Буковницы, и истолкование лексической семантики, может служить толково-грамматический словарь¹⁸.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования.

Проведенное исследование позволило осуществить реконструкцию лингвистической программы Герасима Ворбозомского, которой он руководствовался при работе над грамматическим трактатом Буковница 1592 г.

1. Установлены доктринальные источники Буковницы 1592 г., в которой получили воплощение и дальнейшее развитие идеи таких предшественных опытов описания и кодификации книжного языка, как «Ѡ мнѡжествѣ ꙗко ѡ ѣдинствѣ», «Ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова», «Ѡѡла соѹществѣ книжнаго писма», а также пособия по начальному обучению грамоте Букваря Ивана Федорова (1574 г. и 1578 г.).

2. Выявлены и охарактеризованы основные направления реализации принципа антистиха, положенного в основу орфографической и грамматической нормализации в Буковнице. В соответствие с моделью, заданной в трактате «Ѡ мнѡжествѣ ꙗко ѡ ѣдинствѣ», строго императивным является использование стандартного набора графико-орфографических средств снятия омонимии во флексиях контрастирующих форм. Тенденции развития и трансформации данной орфографической модели в Буковнице были определены исходной установкой на максимальное расподобление грамматических омонимов: (1) расширение репертуара графико-орфографических оппозиций, служащих для разграничения омонимичных форм; (2) расширение диапазона позиций в слове, в которых используются графико-орфографические средства, наделенные смыслоразличительными функциями; (3)

¹⁷ Ср. Зализняк А.А. Указ. соч.

¹⁸ Ср. Сазонова И.К. Указ. соч.

параллельное применение числовых показателей в нескольких позициях в слове. Продемонстрирована филиация идей Герасима Ворбозомского в церковнославянской книжной традиции, и установлены те решения, в том числе и инновационные, в области реализации принципа антистиха, которые оказались востребованными при дальнейшей кодификации церковнославянского языка и в изданиях церковной печати.

3. Доказано, что в основу организации словарного материала Буковницы положен парадигматический принцип: каждая словарная статья включает строго упорядоченный набор словоизменительных форм, структурированный по грамматическим категориям, наиболее важным для системы книжного языка.

4. Реконструирована кодифицированная в Буковнице система норм склонения существительных, прилагательных и причастий (см. таблицы на с. 15–16).

5. На основе осуществленной реконструкции определены лингвистические принципы и критерии, которыми Герасим Ворбозомский руководствовался в своих нормализаторских решениях: принцип непосредственной зависимости грамматической нормализации от графико-орфографического способа преодоления грамматической омонимии; принцип координации предписаний двух источников-ориентиров: «застѣнныхъ разѹмѣній» трактата «Ѡ ѡсмихъ частѣхъ слова» и «Ѡ мнѡжествѣ ꙗ Ѡ єдинствѣ»; принцип унификации.

6. Выявлены различия нормализаторских установок Герасима Ворбозомского и Мелетия Смотрицкого. Если для создателя Буковницы, «нѣзлѣцѣство» языка «сѣѣѣ кнѣгъ» (л. 233) заключалось в его унификации, то для Мелетия Смотрицкого, напротив, «правильность» церковнославянского языка связывалась с его «нѣзобнѣлѣмъ» (л. 42), широкой вариативностью.

7. На основе анализа Буковницы и КБ в сопоставлении с современными грамматическими словарями установлены функционально-типологические характеристики грамматического словаря церковнославянского языка как особого типа грамматического описания (перечень соответствующих параметров см. с. 21–22). Создание сочинений, воплощающих концепцию грамматического словаря, наглядно демонстрирует становление в кон. XVI – нач. XVII в. научной модели описания языка книжного языка.

Приложение содержит подготовленный к научному изданию текст Буковницы 1592 г., в котором предельно точно воспроизводятся все особенности ее графики (включая диакритику), орфографии и пунктуации.

Основные положения диссертационной работы отражены в публикациях, пять из которых размещено в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Инь Сюй*. Буковница 1592 г.: круг источников // **Мир науки, культуры, образования**. 2017. № 3. С. 344–353.
2. *Инь Сюй*. Буковница 1592 г.: особенности грамматической кодификации и структура словарных гнезд // **Вестник Московского университета. Серия 9: Филология**. 2017. № 3. С. 190–202.
3. *Инь Сюй*. Буковница 1592 г. как особый тип грамматического описания славянского средневековья // **Филологические науки. Вопросы теории и практики**. 2018. № 10. С. 102–108.
4. *Инь Сюй*. Грамматические словари церковнославянского языка конца XVI – начала XVII вв. // **Казанская наука**. 2018. № 11. С. 116–122.
5. *Инь Сюй*. Стратегия реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г.: традиции и новации // **Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика**. 2018. № 4. С. 42–46.

Также были опубликованы работы в других научных изданиях:

6. *Инь Сюй*. Буковница 1592 г.: принципы организации словарных гнезд // **Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017»** / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2017. [Электронный ресурс] URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10601.htm (Дата посл. обращ.: 23.01.19)
7. *Инь Сюй*. Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г. // **Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы**. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 89–91.
8. *Инь Сюй*. К характеристике ранней лингводидактической традиции: представление о частях речи в первых учебных пособиях по церковнославянскому языку // **Слово. Грамматика. Речь**. Вып. XVI: **Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»**. М.: МАКС Пресс. Вып. XVI. С. 595–597.
9. *Yin Xu*. Zhong guo e yu shi xiang guan yan jiu zhi xian zhuang ji zhan wang (Изучение истории русского языка в Китае: настоящее и будущее) // *Di er jie zhong guo lv e xue sheng xue zhe e luo si yan jiu xue shu yan tao hui lun wen ji*» (Сборник научных статей II Всероссийской конференции китайских учащихся и исследователей в России). М.: Типография Посольства КНР, 2017. С. 9–14.